

Book Reviews

А.Г. БАРАНОВ, ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПЦИЯ ТЕКСТА, Ростов н/Д: изд-во Рост. ун-та, 1993, 182 с.

Рецензируемая монография — одна из немногих работ, посвященных рассмотрению теоретических положений, на основе которых может быть построена лингвистика текста, объединяющая коммуникативную и когнитивную парадигмы лингвистического знания. Это изложение глубоко продуманной концепции, учитывающей достижения мировой лингвистики.

В работе реализован интердисциплинарный подход к тексту как результату освоения мира человеком, но одновременно — и как к условию освоения мира. При таком подходе автор работы „втягивает” в круг своих интересов большой набор гуманитарных наук и рациональным образом использует знания, полученные в ходе развития всех этих наук, но при этом стиль построения работы (сейчас говорится о построении работы как некоторого нового знания, а не о стиле текстопостроения) в известной мере специфичен: А.Г. Баранов старается говорить только новое в науке, уходит от всякого рода обзоров и изложений чьих-либо идей, лишь указывая на находки и открытия других людей. Поэтому рецензируемая монография и представляет такую высокую концентрацию научных идей. Поэтому, хотя стиль научного письма достаточно хорош, работу читать не очень легко. Вместе с тем, было бы хорошо, если бы все авторы тоже исходили бы из того, что наука — это то, что ново в науке, что это принцип работы в науке.

Монография включает пять главных этапов исследования проблематики текста. В первой главе рассматривается понятие текста в его отношении к текстосозидающему субъекту. Вторая глава посвящена вопросам вариативности текста и его конституентов в терминах полевых структур и их взаимодействия. В третьей главе разворачивается прагмалингвистика текста на уровне общей теории, дается информационное представление тек-

ста под углом зрения положений, выработанных на предшествующих этапах. В четвертой главе автор обращается к главному для него исследовательскому вопросу — модальному плану текста (текстоцентрическая концепция модальности с ее субъективно-личностной и референтной сторонами). В пятой главе, заключающей всю предшествующую теоретическую и описательную работу, устанавливаются контуры функционально-прагматической типологии текстов.

Рецензируемая работа настолько наполнена теоретическими идеями, что рецензент не может отреагировать на все эти идеи и вынужден делать выбор, который может показаться в чем-то произвольным, поскольку вне обсуждения могут оказаться и достаточно серьезные положения.

Текст как конструкт рассматривается всесторонне, при этом плоскостей рассмотрения весьма много. Для многих филологов важно, что текст берется в динамике его порождения и понимания, что делает обоснованным понятие „текстовая деятельность”. В тексте „перевыражены” и относительно стабильная система языка, и абсолютно динамичная человеческая субъективность, и действительно, выполненное здесь исследование взаимоотношения и взаимодействия этих начал открывает путь к новому разделу науки о языке или даже к новой научной дисциплине, которую можно назвать „динамической лингвистикой”. Оставаясь лингвистикой, эта дисциплина одновременно „перевыражает” и онтологические конструкции людей — как автора так и читателя. В работе показано, каким образом текстовая деятельность становится действом для освоения мира: процессы понимания и порождения протекают на языке, но лингвистической сущности не имеют; однако при этом индивидуальная когнитивная система субъекта порождения и понимания текста оказывается универсальным орудием контекстуализации в придании всей мыследеятельности именно языкового характера. Это положение является принципиальным для многих деятельностей, особенно же для риторики и герменевтики. Если же посмотреть на все это шире, то текст как конструкт выступает как средство связи между сознанием и миром. В реальном акте освоения участвуют пять конструктов — текст, его порождение, его понимание, индивидуальная когнитивная система продуцента, противолежащая система реципиента. Этот реальный акт — самая малая капля в бездонном и безбрежном океане человеческого действования с текстами, поскольку в этом действовании „перевыражены” и вся системомыследеятельность и вся жизнедеятельность человеческого рода. Эти соображения

у А.Г. Баранова не декларативны, они являются предметом анализа, интерпретации, таксономизации, адаптации к разным ситуациям человеческого бытия, безусловно включающего в себя и сознание. Поэтому чисто терминологическое возражение вызывает обращение исследователя к термину „отражение объективной действительности”. Самый первый рисунок (с. 9) составлен так, что и текст, и порождение, и понимание, и онтологические конструкции человеческих субъектов этих деятельности буквально плавают в „объективной действительности”, которую они якобы обязаны „отражать”.

Характерно, что если брать концепцию А.Г. Баранова в целом, то эта концепция абсолютно ничего не выигрывает от философского натурализма „теории отражения” и от установки этой „теории” на человека, обладающего чувственностью, но не обладающего рефлексией. В принципе, этот обломок антигуманного понятийно-терминологического аппарата совершенно искусственно приклеен к концепции и не может ее ни улучшить, ни ухудшить. Видимо, автор как-то и сам чувствует ненужность данного терминологического привеска. Так, например, рис. 9 (с. 31), имеющий для работы принципиальное методологическое значение, нормально репрезентирует баланс между „фрагментом действительности” и „коммуникативной ситуацией” по отношению к индивидуальной когнитивной системе человека. Очевидно, что здесь действительность (пространство деятельности) может быть любой, поскольку в коммуникации и когниции могут быть представлены какие угодно альтернативные миры и верования. Мы видим в работе сложнейшую систему модальностей, и если читать эти страницы внимательно, мы очень многое получим для себя и при этом просто отмахнемся от терминологического привеска, связанного с верой в то, что модальности выступают как фактор „отражения действительности” субъектами общения. Ведь для реального просвещенного индивида модальность тоже несет на себе печать рефлексивности – иначе не было бы такой сложной системы модальностей. Работа посвящена именно огромной сложности взаимодействия языка, текста и мира, а не примитивам „отражения” мира в языке и тексте.

В работе же рассмотрена текстовая деятельность, присущие этой деятельности и ее составляющим функции. Цепочка зависимости когнитивных, поведенческих и коммуникативных функций приобретает в трактовке А.Г. Баранова вид: „Ценность – Оценка – Модализация”. Этот момент деятельности можно выявить только в текстах; при этом существен-

но, что мир текстов соотносителен с миром смыслов, рождающихся внутри парадигмы субъектов текстовой деятельности, т.е. между автором и реципиентом. Такое определение текстовой деятельности открывает перед автором возможность новаторски работать в русле функционального направления прагмалингвистики. Успешность работы в этом направлении здесь обеспечивается включением потребностно-мотивационной проблематики в анализ знаковой регуляции деятельности человеческого субъекта.

Существенно, что при подходе к тексту на основе тезиса о прагматике естественного языка как нередуцированной семиотике автору удалось построить исследовательскую парадигму функциональной прагматики. Эта парадигма закономерным образом включает и индивидуальные когнитивные системы как продуцента, так и реципиента, но при этом индивидуальные системы функционируют только при условии, что текст берется в его динамике. Такой подход к тексту – важное достижение не только лингвистической теории, но и гуманитарного знания в целом. Этот подход открыл перед автором всю действительную сложность проблемы взаимоотношения языка в действии с не менее динамичным сознанием субъекта и с осваиваемыми этим субъектом мирами. Связи в рамках этого взаимоотношения оказываются многоуровневыми, а сама эта многоуровневость восходит, как удалось показать автору, к таким свойствам языка, как полифункциональность, вариативность и – главное! – субъективность. Восходя к этим неперменным свойствам языка как к своему истоку, многоуровневость названной связи имеет также и следствие: она „перевыражается” в огромной сложности познавательно-коммуникативной деятельности. Одно из важнейших достоинств работы А.Г. Баранова как лингвиста – мыслителя заключается в мощной рефлексии над всем путем человека от бытования в качестве языковой личности к его бытованию в качестве субъекта познавательно-коммуникативной деятельности. При этом способ теоретического мышления исследователя позволяет читателю одновременно усмотреть и социально-историческую, и индивидуально-практическую характеристику этого пути от „гомо локвенс” к „гомо сапиенс”.

Противоречивость и драматичность этого пути описана весьма убедительно: текстовая деятельность трактуется как деятельность, обусловленная когнитивно, но при этом показано и то, что сама-то когнитивная система формируется у индивида непрерывно в течение жизни. Впервые так глубоко поставлен вопрос о вплетенности текстовой деятельности в

судьбу каждого человека, предстающую перед нами как жизнедеятельность, взятая во временной протяженности. Языковая личность в ее арогенезе (восходящем развитии) берется автором работы не с лингвистической, а с познавательной стороны. Этот подход не только правомерен, но и необходим в сегодняшней научной и социокультурной ситуации, хотя, возможно, следовало бы добавить, что языковая компетенция в ее развитии может быть взята и с собственно лингвистической стороны... В общем, в правильной для данного исследования установке на рассмотрение языковой личности с когнитивной стороны остаются какие-то моменты, по поводу которых можно поспорить. Кстати, можно поспорить и о том, достаточно ли терминологично используется слово „информация” при описании порождения и понимания текста: видимо, речь идет не о мере снятой неопределенности, а просто обо всем, что человек может освоить и сообщить другим в своем мире. Если это так, то хорошо бы придумать какой-то особый термин – именно для предложенной А. Г. Барановым парадигмы функциональной прагматики. Этот – пока потенциальный – термин покрыл бы и систему модальных оценок типа „как должно быть”, „как есть” (с операторами „истина”, „ложь”, „неизвестность”).

Можно подчеркнуть, что исследование динамики индивидуальных когнитивных систем по существу привело А. Г. Баранова к целой серии серьезных открытий – и сама схема формирования индивидуальной когнитивной системы, включающая указания как на меру диффузности уровней, так и на характер взаимоотношения уровней. Очень важными представляются и положения о ведущей роли стадии антиципаций в когнитивной текстовой деятельности и о многоактовом процессе кодовых взаимопереходов общего и индивидуального.

При решении бесчисленных герменевтических и риторических задач (в том числе и в рамках педагогической, правовой и коммерческой деятельности) раньше или позже скажутся идеи А. Г. Баранова относительно зависимости анализов текстовой деятельности от позиции, выбранной носителем анализирующего рассудка. Здесь различаются авторская интроспекция, интроспекция реципиента и анализ из собственно исследовательской позиции. Найдя для себя место в этой последней, автор изобразил очень важную для всех когнитивных наук общую схему порождения и понимания текстов. В схеме учтены взаимоотношения всех основных конструкторов – как окружающих мир знаковых и выразительных средств индивидуальной когнитивной системы, так и составляющих этот мир.

Другая схема показывает, каким образом происходит опора носителя языка на „распаковку” семантического континуума. Обе схемы – большое достижение теоретического мышления автора. Вообще многочисленные схемы в монографии – не иллюстрации к мыслям, а еще одна форма записи мыслей, и иногда эта форма оказывается главной. Хотя система схем и моделей – очень важное достижение автора, она обладает еще одним ценным свойством – пробуждает рефлексию читателя над опытом уже **этого** читателя. Последний начинает рассуждать так: „А вот если бы до этого смог додуматься я, то продолжал бы так-то”. Такие продолжения – это отнюдь не критика работы, а напоминание об открытости еще каких-то новых горизонтов. Например, схему на с. 31 (факторы порождения) можно было бы дополнить указанием на то, что и семантический континуум, и массив текстов даны субъекту как некоторый „отстойник опыта”, т.е. как рефлексивная реальность, без обращения рефлексии на которую схема не могла бы функционировать.

Понятие рефлексии, разумеется, отнюдь не чуждо автору: оно очень основательно и творчески используется при трактовке понимания текста. При построении типологии видов текстовой деятельности критерий функциональности оказывается головным. Позиция А. Г. Баранова здесь заметно сильнее, чем позиция авторов, выдвигающих принципы Сотрудничества, Релевантности Вежливости и Конструктивизма. Приятно отметить, что автору удалось найти некоторый интегративный принцип, покрывающий все существующие точки зрения на развертывание текстовой деятельности.

А.Г. Баранов стремится сделать относительно полное исчисление характеристик текстовой деятельности. Соответственно, рассмотрена и проблема истинности, причем и здесь автор оказался новатором, вводя ряд новых противопоставлений – в частности, противопоставление внутри- и внетекстового обоснования истинности. Открытия и находки такого качества, имеющие значимость для многих сфер жизнедеятельности (от оценки успехов писателя до решений о виновности подсудимого), настолько многочисленны, что сам автор, как кажется, считает их частными попутными успехами. Между тем, новое для логики противопоставление обоснования истинности текста заслуживает рассмотрения и развития в отдельной книге... В работе очень много идей такого масштаба, рожденных из очень сильной основной теории автора. Не имея возможности перечисле-

лить все идеи, упомянем только еще одну, имеющую большую прикладную значимость.

Так, важное положение языковой педагогики недалекого будущего соотносительно с одной закономерностью, выявленной в главе о вариативности языка и текста. Закономерность эта заключается в том, что с подъемом на более высокий уровень оппозитивные отношения постепенно уступают место отношениям трансформационным, перифрастическим и синсемическим. В этом утверждении имплицитно присутствует ответ на вопрос о **содержании практических упражнений** для ученика, уже способного „как будто бы хорошо” говорить на том или ином языке – будь то язык родной или иностранный. Переживание типа „Я как будто бы уже хорошо знаю этот язык” – основной тормоз как в развитии языковой личности на родном языке (после окончания начальной школы), так и тормоз в развитии вторичной языковой личности при обучении на факультете иностранных языков. Действительно, после двух лет обучения пережиты и освоены почти все типичные противоположности, и студент уже не спутает имперфект с плюсквамперфектом или контрастный восходящий тон с простым нисходящим. Вот здесь-то и должно начаться введение в индивидуальную когнитивную систему обучаемого отношений трансформационных, перифрастических и синсемических на предметных текстовых образцах того круга, который доступен при порождении и понимании текста носителю данного языка в качестве родного. А для этого нужна система упражнений для старших курсов – начиная с обильных переводов на изучаемый язык (естественно, не с него!) и кончая упражнениями, до которых методистам еще предстоит додуматься. Они смогут это сделать, опираясь на концепцию А.Г. Баранова.

Вообще педагогические потенции этой работы очень значительны. Они, кстати, содержатся и в предложенной А.Г. Барановым новой теории поля, и в его очень разветвленном учении о модальности. То же надо сказать и о вкладе А.Г. Баранова в теорию текстуальности, в которой впервые рассмотрено такое неотъемлемое свойство текстуальности, как аксиологичность. И теоретически, и с прикладной точки зрения очень важно и выдвинутое в работе представление об уровнях семантических и семантико-прагматических полей, равно как и об их функциях. Существенно, что средства выражения той или иной функции в полях каждого уровня зависят от стратегий коммуникации, определяющей через многочисленные опосредования весь ход текстопостроения и текстовосприятия. При этом

существенно, что стратегии коммуникации специфичны для каждого из уровней текстовой деятельности.

По-новому трактует А.Г. Баранов и содержание и ценность модального компонента текста. Понятие модальности трактуется на основе учета взаимосвязи языка, сознания и оценочного отношения. В этой концепции содержание и объем модальности определяются через систему отношений между продуцентом, реципиентом, текстом и миром. Все типы отношений между этими конструктами образуют совершенно новую логическую систему связей для рассмотрения модальностей. В свете этой логики заново оцениваются основные представления о текстовой деятельности. Среди инноваций, полученных в ходе развития и применения этой логики, следует особо отметить доказательство модальности когнитивного компонента текста, т.е. рациональное доказательство того, что всеми традиционно отрицались. Доказательство оказалось убедительным. Единственное, что в его ходе вызывает какое-то сомнение – это подведение под понятие „эмотивная установка” и того, что соотносительно с эмоциями как таковыми, и того, что скорее следовало бы отнести к собственно человеческим чувствам. Различение этих конструктов может в будущем обогатить всю систему обсуждения модальности. Это тем более очевидно в связи с инновацией А. Г. Баранова в области изучения модальности. Автору удалось доказать, что вообще высший уровень разграничения текстов – это уровень субъективной межличностной модальности, для которой определяющий фактор – интенциональность сознания, его – в конечном счете – обращенность на онтологическую конструкцию человека, его субъективность, его душу.

Как мы видим, А. Г. Баранову выпала судьба быть именно тем лингвистом-мыслителем, который должен был построить новую теорию текстовой деятельности. Не подлежит сомнению, что с этой своей задачей он справился. Более того, проложил методологические тропы к фронтальному распространению созданного им направления на предметные образцы – тексты других языков, другие условия бытования и производства текстов, другие ситуации текстопроизводства и текстовосприятия. Это говорит о том, что выдающаяся и новаторская работа А.Г. Баранова имеет также очень большую методологическую ценность и – одновременно – методологическую перспективу.

Г. И. БОГИН